

159.9(045)

Психологические механизмы социальной памяти в условиях ценностно-смысловой неопределенности

ЛЕБЕДЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ*доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Прикладная психология» Финансового университета**E-mail: apam_euro@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются понятия социальной памяти, ценностно-смысловой неопределенности и групповой поляризации. Автор статьи обращает внимание на проблему адекватности мышления и поведения людей в нестабильном обществе, анализирует влияние отношения к прошлому страны на оценку современных социально-экономических процессов, а также обратное влияние отношения к современным социально-экономическим процессам на оценку исторических событий. В статье приведены и проанализированы результаты эмпирического социально-психологического исследования с применением психодиагностических методик. Автор статьи выдвигает концепцию социально-экономической неопределенности и дает психологическую интерпретацию механизмов регуляции социальной памяти и ее влияния на общественное сознание.

Ключевые слова: групповая поляризация; механизмы личностной защиты; психодиагностические тесты; семантический дифференциал; социальная память; социальные иллюзии; теория ограниченной рациональности; теория перспектив; ценностно-смысловая неопределенность.

Psychological Mechanisms of Social Memory in Conditions Value-Conceptual Uncertainty

ALEXANDER N. LEBEDEV*Doctor (Psychology), Professor, Head of the Department «Applied Psychology» Financial University**E-mail: apam_euro@mail.ru*

Abstract. The article examines the concepts of social memory, value-conceptual uncertainty and group polarization. The author draws attention to the problem of adequacy of thinking and behavior of people in an unstable society, analyzes the impact of the attitude to the country's past on the assessment of the current socio-economic processes, and also – the opposite effect of the attitude to the current socio-economic processes on the evaluation of historical events. The paper presents and analyzes the results of empirical socio-psychological research using psycho-diagnostic methods. The author puts forward the concept of socio-economic uncertainty and gives a psychological interpretation of the mechanisms of regulation of social memory and its impact on the public consciousness.

Keywords: group polarization; personal protection mechanisms; prospect theory; psycho-diagnostic tests; semantic differential; social illusions; social memory; theory of bounded rationality; value-conceptual uncertainty.

За последние десятилетия в мировой социальной психологии резко возрос интерес к проблеме социальной памяти. В работах зарубежных психологов С. Московичи, Д. Жодле, В. Ду- аза, Г. Теджфела и других, а также отечественных психологов К.А. Абульхановой, Т.П. Емельяновой, Т.А. Нестика и других данная проблема рассматривалась как на теоретическом, так и на эмпириче-

ском уровнях. Этот интерес возник по целому ряду причин. Прежде всего резко увеличилось количество публикаций, в которых представлены конкретные примеры перцептивных и социальных иллюзий, ошибки мышления людей и пр. В частности, проблема адекватности психического отражения подробно рассматривалась в работах экономических психологов и поведенческих экономистов Г. Саймона (Теория ограниченной рациональности), Д. Канемана (Теория перспектив и иррациональности решений в условиях риска и неопределенности), а также в работах А. Тверски, П. Словика, Р. Тэйлера, Дж. Кнетча и других [1; 2; 3; 4; 5].

Одновременно с экономическими психологами ученые, работающие в рамках когнитивной психологии (У. Найсер, Дж. Миллер и другие), показали, что многочисленные иллюзии и ошибки присущи также таким психическим процессам, как ощущения, восприятие, внимание, память и пр. В частности, эксперименты Дж. Лофтуса, известные в литературе под названием «случай в шопинг-центре», подтвердили, что индивидуальная память человека не способна длительное время с абсолютной точностью сохранять получаемое им знание. Она подвержена социальным влияниям, процессам «вытеснения» негативной информации, связанной с переживанием страха, стыда, унижения, неполноценности и др. То есть человеку можно «навязать» или «внушить» некие «воспоминания» в условиях эксперимента [6]. Все это заставило ученых обратить внимание именно на понятие социальной памяти и поставить проблему адекватности переработки информации не только на уровне отдельного человека, но и на уровне общества в целом.

Понятие социальной памяти сегодня многие исследователи трактуют достаточно широко, обозначая этим термином большое количество явлений (от школьных учебников истории, предметов старины и памятников до городских легенд, мифов и сказок). Было показано, что социальная память фиксирует и ценностно выделяет какие-либо исторические события в полном соответствии с теми психологическими механизмами, на которых основана память отдельного человека.

То есть события, унижающие национальное достоинство народа, характеризующие его с «плохой стороны» (как захватчика, побежденного и т.д.), также вытесняются из социальной памяти, а события, которые говорят о величии какого-либо народа, о его достоинствах и достижениях (экономических, социальных, политических, научных, культурных и пр.),

выводятся на первый план и легко ассоциативно воспроизводятся в массовом общественном сознании. Это обеспечивает преемственность поколений, социальную идентичность представителей этноса и другие важные для общества функции [7].

Особенно остро феномены неадекватности (необъективности) социальной памяти проявляются в периоды истории, которые можно было бы обозначить как «периоды ценностно-смысловой неопределенности». В частности, такой период в настоящее время переживает большое количество стран распавшегося СССР, например, Россия, Украина, Белоруссия и др. Однако было бы неверно утверждать, что в состоянии ценностно-смысловой неопределенности находятся только экономически и политически нестабильные страны. При этом следует особо подчеркнуть, что уровень и качество такой неопределенности в разных странах существенно различаются, хотя до конца все-таки не ясно, как связаны экономические процессы с ценностно-смысловой неопределенностью общественного сознания.

Одна из характеристик ценностно-смысловой неопределенности — резкая поляризация мнений граждан по вопросам политики, экономики, государственного управления, образования и другим. Теория групповой поляризации была предложена французским психологом С. Московичи и эффективно разрабатывается в мировой психологии с 1969 г. В наиболее кратком толковании она сводится к тому, что спорные вопросы в обществе после длительных дискуссий создают эффект полярных точек зрения, заставляя людей занимать ту или иную крайнюю позицию, эмоционально реагируя на мнения тех, кто придерживается противоположного мнения. При этом группы людей, которые высказывают противоположные мнения, могут существенно различаться по численности, порой разделяя общество на так называемые «большинство» и «меньшинство» [8; 9].

Феномен групповой поляризации проявляется, например, когда исторические факты не получают в общественном сознании однозначного толкования, то есть они по-разному оцениваются людьми, придерживающимися различных и тем более противоположных (полярных) взглядов. В этих противоречивых условиях трактовка истории прежде всего, в средствах массовой информации и школьных учебниках, зависит от мировоззрения тех, кто дает им ценностно-смысловую интерпретацию.

Таким образом, с одной стороны, мощные идеологические разногласия в обществе приводят к полярным мнениям по поводу тех или иных

исторических событий, с другой — отношение к историческим событиям влияет на формирование противоположных мнений в конкретный момент времени. Именно такое состояние, с нашей точки зрения, переживают сегодня Россия и близкие ей по культуре и истории страны.

В рамках проекта, поддержанного РГНФ, нами проводится эмпирическое исследование по теме «Влияние обыденных представлений людей о «советском времени» на отношение к рыночной экономике современной России»¹. В исследовании принимают участие жители города Москвы разного возраста (от 15 до 65 лет), с различным уровнем образования, разным семейным положением, с различным социальным статусом, уровнем экономического благосостояния и т.д.

Пилотажное исследование проводилось с использованием ряда психодиагностических и опросных методов, в частности анкетирования, семантического дифференциала Ч. Осгуда, психодиагностических тестов (16 PF Кеттелла) и др. Проводился также качественный анализ результатов на основе бесед с респондентами и полустандартизированных интервью.

Цель исследования состояла в том, чтобы выявить отношение респондентов к образу СССР в целом и к плановой экономике в частности, а также сравнить полученные результаты с отношением респондентов к образу современной России и ее развивающейся рыночной экономике.

Анкетирование респондентов позволило описать их отношение к некоторым важным характеристикам государств с плановой и рыночной экономикой без упоминания конкретной страны (а именно: СССР и современной России). В анкете необходимо было ответить на вопрос, в котором содержалась социально-психологическая установка на невозможность «идеального» во всех отношениях государства: «Поскольку любое государство несовершенно, то в каком государстве, учитывая характеристики, представленные ниже, предпочли бы жить Вы лично?»

Далее в анкете предлагалось краткое описание наиболее важных характеристик двух государственных систем, основанных на плановой и рыночной экономике. Необходимо было также выразить отношение к коррупции (низкий или очень высокий уровень); занятости населения; различиям

в имущественном положении граждан; наличию или отсутствию свободного предпринимательства и частной собственности на средства производства; наличию или отсутствию демократических свобод; к организации производственных процессов по международным стандартам или по обособленным внутренним стандартам, не соответствующим международным нормам; обеспеченности населения товарами повседневного спроса и продуктами питания, а также к товарному дефициту или торговому дефициту; наличию или отсутствию навязчивой торговой рекламы или открытой идеологической пропаганды и др.

Также предлагалось выразить отношение к состоянию таких видов общественной деятельности в каждом «типе государства», как наука, культура и искусство, образование, медицина и др. Необходимо было оценить также наиболее значимые социально-психологические нормы и ценности (общественные или индивидуалистические) и т.д.

Для методики семантического дифференциала Ч. Осгуда были отобраны пары противоположных по значению прилагательных, характеризующих образ СССР и образ современной России, где от респондентов требовалось оценить характеристики по семибальной шкале (от -3 до +3). Перед тем как респонденты выполняли основное задание методики семантического дифференциала, им было предложено оценить некое «идеальное государство». В процессе обработки результатов средние оценки по каждой шкале сопоставлялись с полученным стандартом («идеальное государство»). Величина эмпирических отклонений от стандарта определялась методом парных сравнений [10].

В исследовании применялся стандартизованный психодиагностический опросник 16 PF Кеттелла (187 вопросов), результаты которого обрабатывались с помощью психодиагностического компьютерного комплекса «Мультиспихометр».

В процессе обработки результатов было установлено, что представления респондентов об СССР, выявленные методом анкетирования, статистически связаны с их оценками состояния социально-экономических процессов современной России. При этом были обнаружены также эмпирические основания, позволяющие сделать вывод о наличии обратного влияния, то есть влияния отношения респондентов к современной России на их отношение к образу СССР [11].

Были получены эмпирические данные о наличии связи между индивидуальными личностными

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ. Тема: «Влияние обыденных представлений людей о «советском времени» на отношение к рыночной экономике современной России» (№ проекта № 13-06-00690).

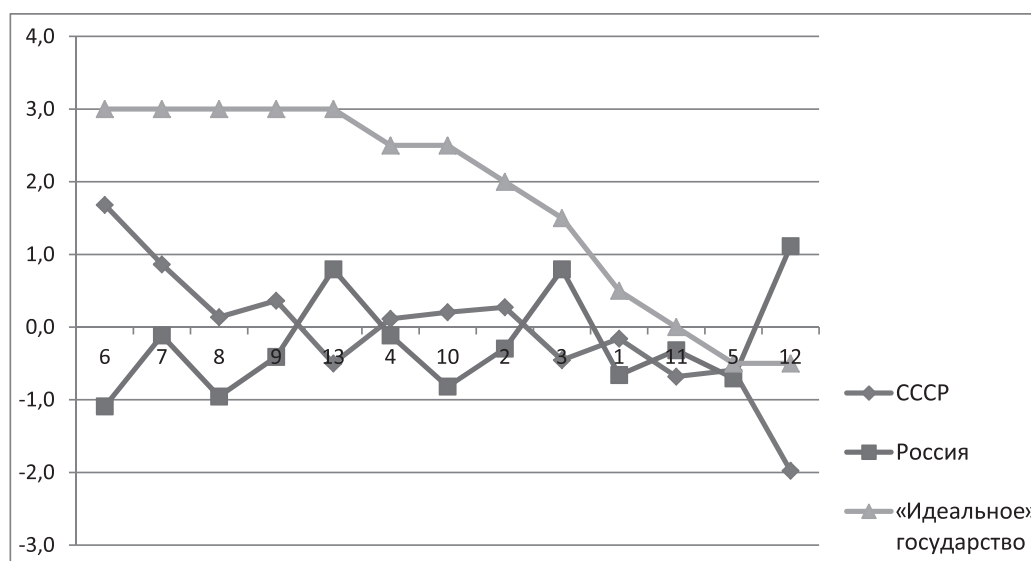

Рис. 1. График средних оценок образа СССР и современной России, а также оценок «идеального государства» (условный стандарт) по выборке студентов ряда московских вузов (экономические, социологические и психологические факультеты). Данные получены методом семантического дифференциала Ч. Осгуда.

1.	Злой	—	Добрый
2.	Грустный	—	Радостный
3.	Далекий	—	Близкий
4.	Плохой	—	Хороший
5.	Озабоченный	—	Беззаботный
6.	Ненадежный	—	Надежный
7.	Нападающий	—	Защищающий
8.	Несправедливый	—	Справедливый
9.	Разрушающий	—	Созидающий
10.	Тревожный	—	Спокойный
11.	Пугающий	—	Расслабляющий
12.	Запрещающий	—	Разрешающий
13.	Бесперспективный	—	Перспективный

характеристиками респондентов (по психодиагностическому тесту 16 PF Кеттелла) и их отношением к СССР и современной России, а также к плановой и рыночной экономике. Это позволило построить некие психологические «портреты» тех групп людей, которые имеют четкую мировоззренческую позицию, но существенно (полярно) различаются по характеру оценок и ценностно-смысловой интерпретации исторических фактов и современных социально-экономических явлений в нашей стране.

В процессе проведения исследования с помощью анкетирования были обнаружены статистически значимые различия (критерий хи-квадрат) количества респондентов (студентов), которые «предпочитают» рыночную экономическую систему плановой (79% против 21%); низкий уровень коррупции очень высокому (95% против 5%);

государственную систему, где разрешена свободная предпринимательская деятельность, системе, где предпринимательство запрещено (98% против 2%); государство с наличием демократических свобод (свобода слова, печати, собраний и пр.) государству, где демократические свободы населения отсутствуют (95% против 5%).

Исследование также показало, что 100% опрошенных предпочитают торговый дефицит товарному дефициту и готовы мириться с навязчивой торговой рекламой при отсутствии идеологической пропаганды (66% против 34%). Однако при этом большинство опрошенных молодых людей высказалось за бесплатные образование и медицину, которые предоставляются государством (91% против 9%); 71% против 27% респондентов высказались за частную собственность на средства производства и 2% воздержались от ответа. За отсутствие различий

в имущественном положении граждан в государстве (то есть нищих и очень богатых слоев населения) высказались 55% опрошенных.

Таким образом, в целом молодые люди предпочитают государственную систему с рыночной экономикой и демократическими свободами, но в то же время они высказывают желание жить в обществе, создающем для своих граждан условия, которые чаще всего противоречат принципам рыночной экономики. Качественный анализ материалов бесед и интервью не выявляет высокого уровня осознанности противоречий в ответах респондентов. Возможно, это связано с их недостаточным жизненным и профессиональным опытом или с возрастными особенностями мышления, которое характеризуется низким уровнем реалистичности.

В результате проведения метода семантического дифференциала были получены оценки респондентами характеристик СССР и современной России, представленные на графике (рис. 1).

Как следует из графика, представленного на рис. 1, СССР в отличие от современной России часто оценивается респондентами молодого возраста как государство «надежное», «защищающее», «созидающее», «радостное», «спокойное», «хорошее» и «справедливое», но в то же время как «далекое», «бесперспективное» и «запрещающее». В свою очередь, современная Россия оценивается ими как «ненадежная», «нападающая», «разрушающая», «грустная», «тревожная», «плохая», «несправедливая», но в то же время как «близкая», «перспективная» и «разрешающая».

Близкую негативную оценку СССР и современной России респонденты дали по шкалам «злой — добрый», «озабоченный — беззаботный» и «пугающий — расслабляющий». Статистический анализ результатов по методу наименьших квадратов показал, что оценки современной России ($r=8,94$) в целом все-таки ближе оценкам «идеального государства», чем оценки СССР ($r=7,4$) [10].

В результате анализа взаимосвязи оценок респондентами СССР и России методом семантического дифференциала и их личностными характеристиками по тесту 16 PF Кеттелла были обнаружены значимые статистические связи переменных [12].

Так, например, была обнаружена отрицательная корреляция оценок респондентами образа СССР и фактором С теста Кеттелла, то есть респонденты с высоким уровнем эмоциональной устойчивости чаще оценивают СССР как государство «плохое», «несправедливое» и «пугающее» ($p<0,001$). Респонденты импульсивные, беззаботные, разговорчивые

(высокий уровень значений по фактору F) оценивают СССР как государство «близкое» и «надежное» ($p<0,01$).

Выдержанные, ответственные, упорные в достижении целей и всегда готовые к действию респонденты (высокий уровень значений по фактору G) оценивают СССР как «справедливое» и «перспективное» государство ($p<0,01$). А респонденты с высоким уровнем значений по фактору I, то есть сентиментальные, ищущие сочувствия у других, склонные к ипохондрии, с эстетическими потребностями оценивают СССР как государство «далекое» и «ненадежное» ($p<0,05$). В свою очередь, молодые люди с высокими показателями по фактору N (утонченные, честолюбивые, неуверенные и неудовлетворенные) оценивают СССР как страну «защищающую», а современную Россию — как «хорошую» ($p<0,01$).

Студенты с высоким уровнем чувства вины и долга, тревожные, депрессивные, неуверенные (высокий уровень значений по фактору O) характеризуют СССР как государство «справедливое» и «перспективное», а современную Россию — как «тревожное» ($p<0,01$). Участники исследования, которые характеризуются по тесту Кеттелла как независимые во взглядах, стремящиеся к самостоятельным решениям (высокий уровень значений по фактору Q2), оценивают СССР как государство «далекое» ($p<0,01$).

Респонденты с высоким уровнем значений по фактору Q3 (дисциплинированные, хорошо контролирующие эмоции, заботящиеся о своей репутации) характеризуют СССР как страну «разрешающую», а современную Россию — как «спокойную» ($p<0,001$). Респонденты с повышенной раздражительностью, в большей степени нетерпеливые и возбужденные (высокий уровень значений по фактору Q4), оценивают СССР как страну «справедливую», а современную Россию — как «тревожную» ($p<0,01$).

При оценке современной России было также установлено, что респонденты с высоким уровнем значений по фактору А (приветливые, уживчивые, внимательные к людям) оценивают современную Россию как «защищающую» ($p<0,03$).

Теоретический анализ проблемы на основе полученных эмпирических данных (количественные и качественные) позволил сделать некоторые выводы и выдвинуть гипотезы для дальнейшего исследования по проблеме психологических механизмов социальной памяти. Как известно, описанные З. Фрейдом психологические механизмы защиты личности от фрустрирующих воздействий непосредственно связаны с механизмами

сохранения и забывания информации, то есть памяти человека [7]. Учитывая результаты проведенного исследования, достаточно уверенно можно говорить о некоторых психологических механизмах социальной памяти.

Первый из них можно было бы условно назвать механизмом «социального вытеснения». З. Фрейд рассматривал вытеснение как «первичную защиту», так как оно является основой для формирования других, более глубоких защитных механизмов и обеспечивает непосредственный уход от переживания состояния тревоги. Вытеснение удаляет из сознания людей те мысли и чувства, которые причиняют им страдания. В результате вытеснения люди перестают осознавать события, вызвавшие у них тревогу и психотравматические переживания.

Следующим по значимости защитным механизмом З. Фрейд считал механизм проекции, которая следует за вытеснением. По аналогии с этим механизмом, по нашему мнению, можно говорить о механизме «социальной проекции». Он описывал проекцию как явление, когда люди приписывают собственные нежелательные мысли и чувства другим людям. То есть проекция дает возможность человеку возложить вину за свои собственные недостатки и ошибки на кого-нибудь или на что-нибудь. Таким образом, расовые, этнические и другие социальные стереотипы, по сути дела, являются результатом психологической проекции.

Следующим механизмом, наличие которого можно установить в результате проведенного нами исследования, следует считать механизм «социальной рационализации». По З. Фрейду, одним из способов, с помощью которых личность справляется с фрустрациями и тревогой, оказывается стремление искаженно представить себе реальность и сохранить свою высокую самооценку. Рационализация имеет непосредственное отношение к социальным иллюзиям, иррациональным мышлению и поведению. Она позволяет обесценить некоторые исторические негативные события в социальной памяти народа, чтобы сохранить чувство собственного достоинства.

Механизмы психологической защиты, описанные З. Фрейдом, по нашему мнению, характеризуют феномен социальной памяти и свойственны любому народу или многонациональному государству с высоким уровнем социальной идентичности. Их вряд ли можно оценивать как положительные или отрицательные с точки зрения общественного сознания, однако следует изучать и учитывать при

разработке практических рекомендаций для эффективного управления социально-экономическими процессами.

Литература

1. Ариели Д. Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 296 с.
2. Канеман Д. Внимание и усилие. — М.: Смысл, 2006. — 287 с.
3. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. — М.: Гуманитарный центр, 2005. — 632 с.
4. Плаус С. Психология оценки и принятия решений. — М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1998. — 368 с.
5. Kahneman D. Thinking, fast and slow. — Farrar, Straus and Giroux: New York, 2011. — 512 p.
6. Лебедев А.Н. Влияние опыта реципиента на эффективность психологического воздействия // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2012. — С. 97–115.
7. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. — М.: Просвещение, 1990. — 448 с.
8. Московичи С. От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. — М., 1992. — С. 83–96.
9. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. — М., 1995. — Т. 16. — № 1. — С. 3–18.
10. Толстова Ю.Н. Измерение в социологии: учебное пособие. — М.: КДУ, 2007. — 288 с.
11. Гордякова О.В. Обыденные представления российской молодежи о достоинствах и недостатках плановой и рыночной экономических систем // Психологические барьеры социально-экономических изменений в российском обществе: Материалы научной интернет-конференции с международным участием 11–25 ноября 2013 г. / Отв. ред. А.Н. Лебедев. — Тула: Издательство ТулГУ, 2013. — С. 104–108.
12. Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности. — М.: Просвещение, 1985. — 319 с.